Рейд. Охота

Автор:
Борис Конофальский

Рейд. Охота

Борис Конофальский

Рейд #3

Нужно было закончить дело, и Саблин это понимал. Поэтому сразу, после длительного путешествия по пустыне и тяжелейшего боя, не восстанавливаясь и не отдыхая, он отправляется в болото, чтобы покончить с двумя опасными тварями. Теперь он их не боится. С ним идут опытные и хорошо вооруженные спутники. Но эти спутники вызывают у него много вопросов, на которые он не получает ответы.

Борис Конофальский

Рейд. Охота

Глава 1

Вроде, всё, бой попритих. На подъёме, на западе, далеко хлопают одиночные взрывы мин, но это так, больше для острастки. На самом деле китайские миномётчики пристреливаются к новым точкам.

Тихо стало. Ночь. Не жарко. Едва заметен ветерок. Можно не закрывать забрало, воздух почти без пыли. От простого дыхания можно получать удовольствие. Просто дышишь, и всё, ночью в болоте такое невозможно. Мошка за минуты

сгрызёт кожу. А тут дыши – не хочу… Вот только пух мешает. Сначала его было немного, но ветер чуть окреп и…

Это самое время для цветения колючки, от неё по степи летят тучи пуха, пуха вдруг стало столько, что через него видно плохо.

В лучах фонарей это смотрится на удивление красиво. Но людям не до красоты сейчас. Они заняты делом.

Но все понимают, что ничего ещё не закончилось. Ещё три часа до солнца. И значит, что до рассвета будет ещё одна атака. Как минимум одна.

И НОАК, и русские готовятся.

Китайцы не волнуются, они знают, что русских мало. Едва ли их больше, чем самих китайцев, а говорить о снарядах и минах и вовсе не приходится, у русских их всегда в обрез.

Первые две атака Девятый батальон Тридцать Первой дивизии НОАК отбил почти играючи, правда, благодаря действиям пластунов, потерял во время одной из атака две ценные турели, но это просто автоматы, а среди личного состава потерь не было, и позиции НОАКовцы удержали во всех точках, даже не позволив атакующим приблизиться к ним.

Тем не менее, сводный батальон русских из трёх армейских рот, одной казачьей сотни и одной пластунской не собирался ждать ни рассвета, ни подкреплений. Командиру батальона майору Уварову была поставлена задача: к двенадцати часам дня взять первую полосу обороны противника и закрепиться там. Для этого он имел почти четыреста бойцов, чуть больше, чем в Девятом батальоне китайцев. Ещё сверхточные самоходки «гиацинты» и шестнадцать снарядов к ним. Также ему выделили более двух сотен мин разных калибров. Так что, по мнению командования, средств у него было более, чем достаточно. И он собирался оправдать оказанное ему доверие. Да, в первых атаках он потерял четыре человека убитыми и более тридцати ранеными, но он выяснил конфигурацию обороны противника, засёк позиции артиллерии и миномётных батарей, и теперь знал, что надо делать дальше. Его частям нужно было время на подготовку новой атаки. Но время ещё было, поэтому он не торопил своих офицеров, путь подготовятся, как следует.

Казаки копали землю, готовились, знали, что ничего ещё не закончено. Они понимали, что тут, в перекопанном снарядами овраге, им предстоит встретить утро, и то, что днём будет тяжелее, чем сейчас.

– Сашка, – говорил взводный пулемётчику, – ты давай, не кури там, а как откопаешь место, готовь вторую позицию.

– Да знаю я, – отвечал первый номер пулемётного расчёта Саша Каштенков. Он и третий номер пулеметного расчёта всё уже почти сделали, уже ставили станину пулемёта. Сделали всё вдвоём.

Взводный не поленился, полез вверх к ним, на край обрыва, осмотрелся:

– Угол какой взял за ноль?

– Юго-восток ровно, – отвечал пулемётчик чуть недовольно.

Ну что, взводный в самом деле дуркует, контролирует их, как первогодков, у них по пять-шесть призывов за плечами. Ещё будет их учить, как угол огня выставить? Как ленту в механизм заправлять? Как на гашетку давить?

А прапорщик не уходит, сидит в гнезде, свой ПНВ достал, смотрит в сторону позиций противника, видно, убедиться хочет, что Сашка правильно пулемёт ставит. Этим только злит пулемётчиков. Ну, в самом деле…

Ещё и позицию раньше времени демаскирует, у китайцев тоже, авось, наблюдатели имеются. Вот засекут его и сообщат миномётчикам своим. И в довершении на пулю снайпера напрашивается. Снайпера никогда не дремлют, даже в темноте.

– Ладно, – наконец говорит прапорщик Михеенко, пряча свой офицерский ПНВ, – нормально.

Каштенков фыркает, ему смешно это слушать, а третий номер расчёта Сафронов замечет ехидно:

– Рады стараться, господин прапорщик.

– Позубоскальте мне ещё, – недовольно говорит прапорщик, спускаясь. – Вторую точку в ста метрах на юг ставьте, тоже на юго-запад, так же, как и эту вкопайте. А ты, Сашка, – говорит он Каштенкову, – будешь мне фыркать, так и третью точку копать тебе придётся.

– Есть, – говорит ему пулемётчик.

Им непросто, полный расчёт – это три человека, а их двое осталось, второй номер два часа назад был ранен, но они справятся.

Аким свой окоп уже выкопал, этот окоп на дне оврага, от обстрела. Глубокий, там удобно усесться можно. А ещё он подготовил себе точку в западном склоне обрыва. Оттуда можно будет вести огонь. Точку выбирал с умом, чтобы была подальше и от пулемёта, и от гранатомёта. Первым делом «гостинцы» к кому-то из них полетят. Лучше держаться от них подальше. Впрочем, это скорее дань правилам. Бойцы штурмовой группы в перестрелках на дистанциях более ста метров не участвуют. Оружие у них не то.

Их дробовики – это оружие, рассчитанное на ближний бой, как, впрочем, и всё их снаряжение. Они бойцы атаки: гранаты, картечь, щит и сама их броня, у них она самая тяжёлая, особенно шлем и кираса, это всё для работы на дистанции десять-двадцать метров. А дурацкие перестрелки, когда между врагами полтысячи метров, на взгляд штурмовиков – глупости. Пустое.

Закончив свою работу, Саблин пошёл помочь гранатомётчикам, у них самое тяжёлое и громоздкое оборудование, и самое нужное в бою.

Тут его чуть не сбил радист Зайцев, спешивший вдоль оврага.

– Где взводный? – Спросил он у Саблина. – Радиограмма пришла.

– Там, – Аким махнул рукой на западный склон оврага, – у пулемётчиков был. А что, начинается?

Саблин имел ввиду атаку. Зайцев почему-то всегда относился к Саблину как к командиру, ну, или старому казаку, уважал.

– Нет пока, – отвечал Радист, показывая Акиму планшет, – приказ пришёл взаимодействовать с миномётной батареей. Позывной дали.

Аким заглянул в планшет радиста, да, так всё и было. Казалось дело то простое: как начнётся атака, обнаруживать небольшие или одиночные окопы противника, те, что в зоне действия взвода, и наводить на них миномёты. Но был в этом деле один нюанс, как выражался их умный прапорщик, как только вы выйдете в эфир с координатами вражеского объекта, вас тут же запеленгуют. И по пеленгу к вам будут прилетать гостинцы. Глупо было бы думать, что по рации, которая работает совсем рядом с твоими передним краем, артиллерия или миномёты НОАК не нанесут удар со всей возможной поспешностью.

– Побежал я, – сказал радист, как только Саблин дочитал сообщение.

«Беги, друг, – подумал Аким, глядя радисту вслед, – ты ещё сегодня со своей рацией набегаешься».

Такая у радиста работа, нужно менять положение после каждого выхода в эфир. Иначе дождёшься пару мин себе на голову.

А о том, что сегодня выпадет ему, он не думал.

Аким сначала не разглядел, что это. И не мог определить. Пятно какое-то размытое. Фронтальные камеры на шлеме ночью работают по принципам телевизора. Пятно было неярким, нечётким, и можно было бы его принять за грязь на ткани, если бы оно не шевелилось, не ползло. Саблин открыл забрало шлема и автоматически включился фонарь, свет из шлема осветил то, что он считал пятном.

Его передёрнуло от неприятной смеси страха и неприязни, он тут же внешней стороной бронированной краги ударил по тому, что ещё недавно казалось ему простым пятном. Он раздавил в кашу крупного, белого паука, что полз по лёгкому брезенту, которым они укрылись, чтобы не мокнуть под

непрекращающимся дождём.

Походный брезент валяется в каждом казацком рюкзаке, он мало весит и занимает мало места, а вещь нужная. Вот и сейчас они разложили на бархане один край такого брезента, чтобы не лежать на мокром песке, а другим укрывались от дождя. И на этом брезенте Аким, нёсший свой караул первый, и заметил паука.

«Фу, – он с омерзением вытирал крагу о песок, – всё-таки много тут, в степи, всякой мерзости, в болоте кроме мошки и нет ничего такого страшного. Ну, пыльца разве что. Пиявка тоже может пролезть ночью, вцепиться. Но так от пиявки вряд ли ты умрёшь. Неприятно, конечно, но не смертельно. Или рак ночью вылезет на запах, но рак – это редкость, да и в лодку ему не влезть. Только если ты на берегу. Может, конечно, и баклан шилом своим ударить, эта тварь опасная».

Но опять же, Саблин не слышал, что бы бакланы кого-то до смерти заклевали. Даже стаей. А тут пропусти такого вот гада, и кто знает, проснёшься ли.

Саблин стал внимательно осматривать брезент, нет ли других пауков, и почти сразу нашёл ещё одного. Тут же раздавил и этого, вылез из-под брезента и теперь уже всерьёз принялся разглядывать всё вокруг. И на плесени бархана увидал ещё одного, и чуть выше ещё…

– Александр, вставай, – постучал он костяшками по шлему товарища, – слышишь, поднимайся.

– Чего? – Проснулся пулемётчик и сразу потянул к себе винтовку.

– Вставай, надо отсюда уходить.

– А что случилось? – Спрашивал Сашка.

Аким, молча, стволом дробовика указал на большого белого паука, что полз по плесени в метре от места, где лежала Сашкина голова.

– Ишь ты, зараза какая, – тут же вскочил Каштенков. – А что ты его не убил-то?

– Двоих уже раздавил, – сказал Саблин, – ещё двух видел.

– Видать, место тут у них, – говорил пулемётчик встревоженно, – очень я их не люблю, Аким, ты посмотри-ка, нет ли на мне такой заразы.

Он быстро снял пыльник и встряхнул его так, что сигареты и прочие мелочи разлетелись из карманов в темноту.

И как это было неудивительно, Саблин нашёл на Сашке ещё одного паука, совсем маленького, но очень шустрого, еле успел раздавить его, прежде чем он успел нырнуть под бронепластину наплечника.

Сашка, видно, и вправду не любил пауков, очень уж он волновался по этому поводу. Потом Каштенков оглядел Саблина, и, убедившись, что пауков нет, они решили с этого места сняться, несмотря на то, что на часах уже было два часа ночи.

Решили поискать место поспокойнее, безо всей этой степной гадости. И пошли дальше на восток.

В темноте идти непросто, даже с ПВН, всё равно не всё замечаешь. Небольшая сколопендра, выскочившая из песка, их немного напугала. Саблин застрелил её прежде, чем она успела брызнуть кислотой. Песок промок, стал плотным, из такого быстро не выпрыгнешь. Так они и шли, пытаясь найти себе место для ночлега. Но где бы ни останавливались, на каждом бархане, на котором собирались прилечь, находили паука, хоть маленького, но находили. А чаще двух или трёх и немаленьких, очень даже подвижных.

– Да что ж этот такое, – говорил Каштенков. – Никогда их столько не было, на каждой кочке, на каждой хоть по одной этой заразе, но есть.

Да, Саблин и сам удивлялся. Там, на севере, у болот, такой гад был редкостью, а тут барханы ими кишели.

– Может, это из-за дождя, – продолжал пулемётчик. – Может, позаливало им норы, и они вылезли, или может, как сколопендры, они от воды из яиц все повылуплялись.

Аким не знал, он просто шёл от бархана к бархану в надежде, что на следующем пауков не будет, но, честно говоря, в это он верил всё меньше и меньше. Этих опасных тварей повсюду было навалом. Так они и шли под непрестанную болтовню пулемётчика, пока не стало светать, пройдя за ночь добрых двадцать километров.

И только когда уже почти рассвело, они нашли небольшой бархан, на котором не было ни одного паука. Легли на его южную сторону, и Саблин моментально заснул, не обращая внимания на сильный дождь.

Тихо по тонкой ткани брезента бьют капли, не жарко, но кажется, под броню попало немало влаги. Это непривычное ощущение. Так бы и лежал под этими звуками падающей с неба воды, но лежать некогда. И Сашка его не будит. Неужели сам спит? Саблин скосил глаза на открытое забрало, на панораме есть часы.

Обалдеть, вот-вот двенадцать! Он откинул ткань, сел и увидал Каштенкова, тот сидел рядом, строгал кусок колючки коротким ножом из ремнабора. Увидал, что Саблин проснулся, обрадовался и сказал:

– А не дурак вы поспать, господин урядник.

– А чего не будил?

– Да ладно, сейчас сам лягу на пару часов, думаю, что ночью опять пауки полезут, опять спать не придётся. Так что лучше выспаться. Только поедим давай, я не ел, тебя ждал, пока проснёшься.

Значит, не ел Сашка и не будил, ждал его. Саблин подумал, что повезло ему, что именно Каштенков остался жив, ему нравился этот незлобивый, хотя и порядком болтливый человек.

– Ну, так, что тебе снилось, а, господин урядник? – Болтал Каштенков, доставая из ранца еду и воду.

– Ничего. Мне редко сны сняться. – Отвечал Аким, поднимаясь с песка.

– Да? – Не верил пулемётчик. – А дробовик во сне так сжимал, что думал, погнёшь его.

– Не помню, – произнёс Саблин.

Да, всё-таки он был рад, что в этой беде, в этой мокрой пустыне, с ним был этот человек.

– Ну и Бог с ним, не помнишь, так не помнишь, давай есть.

Они хорошо поели, были голодны. Сашка лёг спать, а Аким лежать не хотел, боялся, что заснёт. Сел рядом, иногда вставал. Прохаживался, искал пауков. Но сейчас при свете дня ни одного не находил. Думал дать Сашке поспать подольше, но через два часа он проснулся сам, и такой был бодрый, словно проспал часов десять. Они ещё чуть-чуть поели и пошли дальше.

Сашка теперь ещё себе забаву нашёл, искал следы на песке. Шёл и охотился. Сколопендра в бархан ложится и лежит. Стережёт жертву. А ветер следы от её бесчисленных ног и след места её лёжки песком заметает. За пятнадцать минут заметёт, как не было их. Но это когда песок сухой. А промокший песок, дует ветер или нет, лежит себе и лежит, и следы на нём видны долго.

Вот по этим следам Сашка и бегал, искал места, где залегла сколопендра и, найдя, подходил тихонечко, стараясь не шуметь, втыкал в песок ствол винтовки неглубоко и стрелял туда, раз или два. Или сразу убивал тварь, или радовался, когда она вылезала из песка и ему удавалась её добить на свежем, так сказать, воздухе. Аким его не останавливал, выстрелы у винтовки негромкие, звук от них шёл только между барханов. Так что никто их услышать не мог, вот только патронов Саблину было жалко. А сколопендр нет. Он бы и сам их убивал с удовольствием. Теперь это было с ним на всю жизнь. Вот к таким болотным тварям, как выпь, баклан или медуза, или даже пиявка, Саблин никакого сожаления не испытывал. Но и убивал их, как правило, без особой радости. Убить медузу было необходимо, иначе так и будет приплывать и объедать его отмели и банки, сжирая всех ракушек. Конечно, он злился, когда баклан срывал рыбу с его крючка и тоже убивал его. Но никогда он не испытывал к болотной живности такой ненависти, какую испытывал к сколопендрам. Он радовался, когда видел, как разлетается на куски этот червяк от винтовочной пули. Да и пауков он давил теперь с удовольствием.

Степь ему не нравилась.

Вот и шли они с ненавистью, радовались, когда убивали очередную сколопендру. И только уже под самый вечер перед заходом остановились на ужин.

Глава 2

Найти бархан без пауков было невозможно. Если днём их почти не было, то с приближением вечера они начинали вылезать. Мало того, казалось, что чем дальше они идут на восток, тем больше становиться этих ядовитых созданий. Казаки устали, после ужина шли медленнее, но и мысли у них не появлялось прилечь на бархан. Пауки были всюду. Особенно на черных кляксах плесени и на растениях, которых сейчас было предостаточно. Как лежать там, где в щель твоего бронекостюма может залезть настолько ядовитое существо. И пусть оно не прокусит «кольчугу», но он может добраться до лица или до рук, с которых так хочется стянуть на ночь перчатки.

Сашка остановился, оглянулся и сказал:

– Слышь, урядник, ночью, наверное, придётся идти, спать ляжем утром. Не найдём мы «чистого» места для сна.

– Пошли, – согласился Саблин.

– Или, может, ты по-другому думаешь? – Цеплялся пулемётчик.

Аким знал, что Сашка просто поболтать хочет, что молчать целыми днями ему тяжко, он усмехнулся и повторил:

– Пошли, поспим утром.

– У меня аккумулятор на семьдесят процентов сел уже, – продолжал Каштенков.

У Акима он сел ещё больше, броня штурмовика потяжелее, электричества «жрала» побольше. Но Саблин устал, ему не хотелось говорить, он только и ответил:

– Угу.

– И что «угу»? – Не отставал от него пулемётчик, немного раздражаясь.

– Хорошо, – коротко сказал Саблин.

С одной стороны говорить ему не хотелось, но односложные, непонятные ответы злили Сашку, и это было смешно. Каштенков оборачивался, смотрел на него с упрёком, а он делал вид, что не понимает, отчего пулемётчик злиться.

– Чего хорошего? – Спрашивал Каштенков.

– Ну, хорошо, что тридцать процентов, – отвечал Аким, опуская голову, чтобы скрыть улыбку.

– И что в этом хорошего?

– Ну как… Прошли столько, а аккумулятор ещё не разрядился, до Енисея нам трёх аккумуляторов точно хватит. – Пояснял Саблин.

– Да нам двух хватит, – недовольно говорил пулемётчик, чувствуя, что Саблин смеётся.

И тут Аким остановился. Еще не стемнело до конца, они шли с поднятыми забралами, не пользовались ПНВ, глазами глядели, и он увидал фиолетовое мерцание.. Далеко до него было, и сначала он подумал, что это молнии переливаются на горизонте. Но молнии не могут сверкать бесконечно. А фиолетовый свет лился и лился, причём лился он от земли вверх, к небу. Сашка тоже стал глядеть в ту сторону, и если Саблин смотрел и раздумывал над тем, что видел, Каштенков тут же полез на ближайший бархан, втаптывая ботинками чёрную плесень во влажный песок, залез на самый верх и уже через секунду произнёс:

– Пришлые, сволочи.

Аким тоже полез на бархан, стал рядом. А Сашка продолжал убеждать его в том, что Саблин и не оспаривал:

– Точно говорю, пришлые. Батька, покойник, мне рассказывал про такое. Говорил: «Свет синий издалека видать, а подойдёшь ближе, так «гамма» попрёт».

Саблин тоже про такое слышал, слышал, что многие считают это свечение местом пришлых и что гамма-излучения достигнут критических значений, если к этому свету приблизиться. Но это его не очень пугало, они были в броне, а броня рассчитана на излучения высокой интенсивности.

– Интересно, а сколько до того места вёрст? – Размышлял Аким.

– Не знаю, на вид километров десять, может, меньше, чёрт эту мокрую степь разберёт. А чего ты интересуешься? – Насторожился Каштенков.

– А дальномер его не увидит, наверное. – Размышлял вслух Аким.

– Да зачем тебе расстояние до него?

– Может, сходим, глянем, что там? – Предложил Саблин.

– Рехнулся? – Сразу оживился Каштенков.

– А что?

– Да ну их, пришлых, к дьяволу, не ровен час, уснёшь там и проснёшься в биоцентре уже переделанным, вот уже мало охоты у меня проснуться с коленками назад, как у «бегуна». Или с мордой как у «нюхача». Нет уж, спасибо… А такое и бывало… Тоже вот такие исследователи, ходили смотреть, что там да как… Посмотрели на свою шею.

Сашка хватает Саблина за рукав, тянет вниз с бархана, приговаривает:

– Пошли отсюда, я координаты в планшет забью, дойдём – учёным скажем, что мы тут видали. Они умные, пусть исследуют. А сами туда даже за деньги не пойдём. И даже повернём от этого света, от этих пришлых, и возьмём севернее. Подальше пойдём, чтобы не дай Бог…

Да, наверное, он был прав, лучше дойти до своих и сообщить о таком удивительном явлении, чем просто исчезнуть в пустыне навсегда. Аким пошёл за пулемётчиком, но поглядывал туда, на юго-восток, туда, где красиво переливалась синее зарево. Да, ему действительно было интересно, что там такое, неужто это и вправду те самые пришлые, о которых он слышал с детства.

Но Сашка пошёл вперёд, забирая между барханов левее и левее, ближе к северу. И стало уже совсем темно, Аким опустил забрало, иначе без ПНВ уже ничего видно не было. Он ещё пару раз оборачивался на юго-восток, но из-за барханов, синий свет уже было едва заметно. Только тучи чуть светлели над тем местом, и всё.

Они оба явно недосыпали, устали, ночью шли медленно. Сашка, даже видя следы сколопендр в темноте, уже не гонялся за ними. А к утру так они и вовсе еле плелись. И не мудрено, за три дня и две ночи пластуны прошли больше половины пути, почти шестьдесят пять километров. Для тяжёлой пехоты с полными под завязку ранцами это было очень неплохо.

Когда на востоке посветлело, стали искать место, уже и пауки не так страшны были. Выбрали большой бархан, рядом длинная лужа вдоль, и вода в луже была почти чистой. Им обоим охота было помыться, трое суток броню не снимали. Но решили дождаться утра. Каштенков уже еле держался на ногах, и Аким предложил ему спать первым. Он сам ещё мог посидеть, потерпеть. Пулемётчик тут же завернулся в брезент и заснул, а Саблин отесался бодрствовать, встречать рассвет и давить пауков. Правда, раздавил он всего одного, как только из-за линии барханов выползло солнце, больше ни одного паука Аким не видел.

Саша проснулся, когда день к полудню шёл, проснулся недовольный, сразу спросил:

– Чего не будил-то?

Саблин не ответил, он уже давно снял доспех, стянул ультракарбоновую «кольчугу», разложил её на песке, сушил. Дождя не было, тучи летели по небу рваные, уже лёгкие. Он сидел на корточках перед лужей в нижнем белье, делал анализ воды. Для этого взял «питьевую» трубку. Индикаторы показали, что «биология» в норме и хим.состав тоже.

– Мыться будешь, вода чистая? – Спросил он у Каштенкова.

– Буду, – буркнул тот. – Только поесть надо.

Аким уже сделал из пустой пластиковой бутылки ковш, стал зачерпывать воду из лужи и обливать себя, это было большое удовольствие. Сашка расстегнул застёжки на кирасе, ослабил крепление ботинок, но всё ещё оглядывался по сторонам, даже залезал на бархан. Не хотел он остаться без брони в степи. Даже ненадолго. И Аким его понимал. Пластун без брони, как рак без панциря – добыча.

– А ты всё молчишь, урядник. – Заговорил Каштенков, слезая с бархана.

– А чего говорить? – Удивлялся Саблин.

– Хоть бы спросил чего.

Аким подумал немного и спросил:

– А чего ты, Александр, попёрся на эту эвакуацию? Нужна она тебе была? Тут же ни стаж, ни дежурства не засчитывались.

Ох, как обрадовался Каштенков, он сразу в лице переменился, сел рядом с Саблиным на корточки и стал рассказывать:

– Понимаешь, Аким, баба моя меня изводит. Вот не поверишь, а вроде, не рада она мне, вечно кислая по дому ходит, вечно недовольна чем-то.

Меньше всего сейчас Акиму хотелось слушать про семейные невзгоды пулемётчика, но сам же, дурень, спросил, и Саша торопливо продолжал:

– Вот в призыв ухожу на год, она, вроде как, волнуется, поплачет даже, всё как у баб положено, а как приду, так через месяц у неё кислая морда, и что ни сделай, всё не так. – Сашка рубит воздух рукой, показывая, как всё у его бабы не так, – ну вот всё не так. Не по её, значит. И кукуруза у людей лучше, и рыбы они продают больше, и дома у них прохладнее, и свиньи вес лучше набирают. И вот это всё она мне целыми днями говорит, и говорит, и говорит, и всё с упрёком, всё с этой бабьей подковыркой. Как будто это я свиньям не даю привес набрать. И вот бегу я от этого всего в болото, сижу, рыбу ловлю от зари и до зари, без выходных, чтобы только кислоту эту не видеть. А с рыбами разве поговоришь? Там, в этой тишине, умом тронуться можно, вот иногда и хожу в чайную, чтобы хоть поговорить было с кем. А она тут же заводит сою песню: «Вот, ты по чайным ходишь, деньги там пропиваешь, а может, и девок тамошних пользуешь». И гудит, и гудит. Вот как тут дома сидеть. И ждёшь, когда на кордон дежурить идти, лишь бы не дома и не в болоте. А тут говорят, нужно соседям помочь, вот я и вызвался охотником. А ты чего пошёл?

Саблин не стал говорить про разговор с есаулом и сдуру сказал:

– И я по той же причине.

Как тут Каштенков обрадовался. Стал рассказывать про свою семейную жизнь дальше. А Саблину слушать это всё очень не хотелось, у него у самого тоже не всё было складно, хотя и не так, как у пулемётчика.

И Каштенков ходил за ним следом и не замолкал, пока Аким не лёг спать. А тогда Саша чуть-чуть успокоился, сел невдалеке, насвистывал что-то, а потом готовил еду и ждал, пока Аким проснётся.

Аким встал уже ближе к шести.

Потом они ели и меняли аккумуляторы. Те, что разрядились, выбрасывать не стали, решили тащить с сбой, ничего, что тяжёлые, за то денег они стоили огромных. Два аккумулятора по цене не уступали бронекостюму. Хоть и броня, и снаряжение принадлежали обществу, природная казачья бережливость не позволяла разбрасываться ценностями. Поэтому и несли они разряженные аккумуляторы на себе.

Поглядели карту и пошли, до реки было совсем чуть-чуть, чуть больше тридцати километров. Рукой подать.

В третьем часу ночи Сашка, он шёл первый, повернулся и спросил:

– Чуешь, урядник?

Он был вроде как рад, несмотря на то, что они уже порядком устали. Аким ничего не чувствовал:

– Чего?

– Рекой воняет. Не чуешь, что ли?

Саблин принюхался: нет, ничего такого. Мокро в степи:

– Плесенью пахнет, – сказал он.

– Эх ты, а ещё болотный казак, пластун, – усмехался Каштенков. – Вода рядом, тина, кувшинка… Кислятину чувствуешь? Это ж амёбы так воняют.

– Нет, – назло пулемётчику сказал Аким. Он, кажется, действительно почувствовал запах тины и кисло-влажный, по-другому и не сказать, привкус амёб. – Ничего… Плесень…

– Да что ж ты за человек такой, а, Саблин? – Бесился Каштенков.

– Человек как человек, – с наигранным спокойствием отвечал Аким.

– Человек как человек, – передразнивал его пулемётчик и шёл дальше.

Да, действительно, поднимающийся к утру лёгкий восточный ветерок приносил запах реки, ещё едва уловимый, но отчётливый, ни с чем такой запах не перепутать.

Они зашагали проворнее, хотя по карте, Сашка смотрел в планшете, до реки им идти ещё двенадцать километров. Немало.

Но как-то уже веселее. Пока Каштенков разглядывал и прятал карту, Аким его обогнал, и теперь он шёл первый. И смотрел, как из-за барханов на востоке выходит яркое, алое солнце.

– Слышь, Аким, – окликал его пулемётчик, – а облаков-то мало, денёк будет жаркий.

Саблин и сам это видел, всё хорошее когда-нибудь заканчивается, в том числе и дожди. И на степь снова накатится жара, вот теперь им потребуется и вода в больших количествах, и хладоген. Что-то в этом году быстро кончились дожди, или всё-таки покапают ещё хоть чуть-чуть. Он обдумал всё это и наконец ответил Сашке:

– Да.

– Что «да»? – Тот уже, кажется, и забыл, о чём говорил.

– Денёк будет жаркий, – разъяснил Саблин.

– Хорошо с тобой, Аким, разговаривать, о многом подумать успеваешь, даже пообедать можно, пока ответа от тебя ждёшь.

Саблин усмехнулся и опять не ответил.

Глава 3

Светало быстро, запах реки был всё ярче, насыщеннее, казалось бы, все силы за ночь потратили, а как реку почувствовали, так веселей пошли. И уже не искали бархана без пауков, не останавливались. А когда лучи солнца стали пробираться меж барханов, когда барханы стали на глазах мельчать, становитс короче и ниже, Саблин вдруг остановился и поднял левую руку: внимание.

Каштенков по привычке сразу присел на колено, винтовку снял с предохранителя, приклад к «плечу». Знак «внимание» – не шутка. Это значит, авангард заметил следы противника. Очень хотелось знать пулемётчику, что там увидал урядник, но кричать нельзя, тем более нельзя выходить в эфир. Саша замер в ожидании. А Аким сам присел, стал «гонять» по эфиру, искать хоть какое-то подобие жизни, скакал с волны на волну, добрался до конца шкалы. Нет, гробовая тишина в эфире. Фон, и тот какой-то мёртвый. Тогда он знаком позвал к себе Каштенкова: ко мне, только тихо. Тот пошёл к нему, не поднимаясь во весь рост. Теперь он не болтал, теперь он был насторожён и внимателен.

Кода приблизился, Саблин указал ему рукой вперёд, на землю.

И пулемётчик сразу всё понял. Барханы становились не только ниже, но и расстояния между ними увеличивались, стало посвободнее, пулемётчик увидал на мокром и плотном песке между барханов следы. Следы от траков которые он прекрасно знал. Оставили их не казачьи квадроциклы, на песке отпечатались отлично им знакомые протекторы больших армейских грузовиков НОАК.

– Эфир слушал? – Первым делом негромко спросил Сашка, привставая, чтобы видеть, куда свернул грузовик.

– Никого. – Ответил Аким.

Дальше говорили они тихо, короткими фразами людей, которые понимают друг друга с полуслова:

– К реке пошли? – Спросил Каштенков. Это больше утверждение, чем вопрос. Он сам знал, куда ведут следы.

– А то куда же. – Ответил Саблин.

– Дождя ночью почти не было. – Произнёс Сашка.

Это означало, что они не узнают, когда здесь прошли грузовики. Могли и сутки назад тут быть.

– Почти.

– Надо глянуть, сколько их было.

– Надо.

– Я первый.

Аким кивнул.

Сашка встал и пошёл вперёд, шёл, согнувшись, чтобы голову над барханом не бай Бог видно не было. Аким чуть выждал, пошёл следом, перед этим достав на всякий случай две гранаты из ранца и положив их в карман пыльника.

Они подобрались к отпечаткам колёс поближе:

– Два, – тихо сказал Каштенков, показывая для верности два пальца.

Саблин кивнул, на песке было видно следы от двух машин. Это значит, стандартный китайский взвод человек тридцать-сорок со снаряжением. Прицепов не было.

– Может это… Беженцы, – с надеждой сказал Каштенков.

– Хочешь выяснить?

– Нее… – Сашка усмехнулся и мотнул головой. – Уходить надо.

– Куда пойдём? – Спросил Саблин.

Сашка достал планшет, они склонились над ним.

– А выбирать-то нам особо и не из чего, – сказал пулеметчик, мотая карту. – На востоке у реки китайцы, с запада мы пришли, на юг в степь смысла нет, давай возьмём на север.

Да, действительно кроме как на север им больше и некуда было идти. Аким кивнул, согласился:

– Пошли.

Вот так вот. Шли, как на прогулке, на сколопендр охотились, пауков давили, уставали, конечно, но пластуну идти десятки километров в день – дело привычное. И тут сразу всё изменилось, прогулка превратилась в скрытный боевой отход. Была прогулка, стала операция. И про привал забыли сразу, откуда силы взялись, пошли на север бодрым шагом. Хорошо, что барханы измельчали, теперь им приходилось идти не вдоль стен из песка. А через них. Вернее, петляя межу ними. И они торопились, хотели уйти подальше. Китайцы казаков особенно не любили, впрочем, как и казаки китайцев. Конечно, радаром их тут среди барханов не сыскать, но не дай Бог, разведчик-китаец запустит дрон. Решит окрестности осмотреть, и всё. Считай, конец. Даже если просто следы найдут, а не их самих. И поэтому казаки шли быстро. Без привалов. Лишь бы подальше уйти. Воду пили на ходу и ели на ходу. Шли и надеялись на дождь, чтобы следы смыл, или на солнце, чтобы песок высушило, который следы засыплет. В общем, не всё зависело только от них самих, им ещё не помешало бы немного везения.

Уже к десяти часам дня идти быстро сил не осталось, кажется, ушли, прошли почти двадцать километров. Саблин начал было успокаивается. Когда Каштенков поднял левую руку вверх:

– Зараза, – только и смог прошептать Аким, снимая дробовик с предохранителя и вставая на одно колено.

Сашка снова согнулся, прошёл вперёд несколько метров и тоже присел, разглядывая землю. Потом повернулся к уряднику и позвал его к себе.

Аким уже и не знал, что хуже: траки от грузовиков НОАК или то, на что он сейчас смотрел.

Нет, всё-таки, грузовики – это не так опасно, и они, и китайцы здесь на равных условиях. Если только у китайцев нет миномётов. От них можно было попытаться уйти в перестрелке, с боем оторваться. Ставить мины, использовать гранаты, уходить перебежками. Тянуть до ночи. В принципе, можно было

пытаться. А от этих…

Аким и Саша молча смотрели на отпечаток босой человеческой ноги на ещё не высушенном солнцем песке. Чёткий ровный след не очень большой ноги. Они оба знали, кто оставил его. Никто в пустыне не может ходить босой по раскалённому до адских температур песку, кроме них, жителей глубокой пустыни, которых все, и они сами, называли даргами.

Казакам здорово повезло, что это они нашли следы даргов, а не наоборот. Они сидели молча, наверное, целую минуту. Аким даже волноваться стал, думал, что пулемётчик скис. Но нет, пулемётчик был парень, что надо.

– Давай возьмём восточнее, – сказал он, снова доставая планшет. – Пойдём на северо-восток, к реке поближе.

Саблин другого выхода не видел:

– Да, так и сделаем. Интересно, один он или нет.

– Один! – Сашка фыркнул. – Да степняки говорили, что они по одному никогда не ходят. Убираться нужно отсюда, без колёс с ними много не навоюешь.

Это Саблин и без него знал. Конечно, болотные казаки с даргами никогда не встречались, эти пустынные жители так далеко на север не заходили, а во время боевых действий в степи дарги всегда откочёвывали подальше от войны. Так что пластуны их почти никогда не видели. Но по рассказам степняков и по книжкам из девства они знали, что непросты те, очень опасны. Что они быстрые и ловкие, отлично стреляют, и что степь – их дом. И ни жара, ни жажда им не мешают воевать часами. Так же пластуны знали, что не броня и не винтовки главное оружие против дикарей, а дроны и колёса. Степные казаки загоняли даргов, постоянно маневрируя и стараясь зайти им в тыл, во фланги, отрезать их от пустыни. Занять высокие барханы, удобные для стрельбы. Так и кружились по степи часами, не выпуская даргов из оптики коптеров, не отставая от них, не давая им покоя, пока те не садились на горячий песок и от усталости не могли больше встать. Как ни крути, как ни бегай, как ни будь ты ловок и быстр, а силёнок в квадроцикле побольше. И в аккумуляторе у квадроцикла электричества побольше, чем у тебя твоих диких сил. Так, загоняв даргов до полуобморочного состояния, казаки их и брали, старясь не упустить ни одного. А

как иначе, с этими пожирателями саранчи по-другому никак, или изведут станицу своими бесконечными набегами, своим воровством сетей для ловли саранчи, своими опасными засадами. А когда совсем мочи от них не было, казаки всех ближайших станиц собирались, искали их стойбище и, нагрянув с миномётами и пулемётами, зачищали стойбище под ноль, безжалостно. Вместе с бабами и детьми. И тогда в той части степи становилось тихо и спокойно лет на пять или шесть, пока новое племя не накачует на заброшенное стойбище и не решит пожить в таком хорошем и сытном месте. И тогда всё начиналось сначала.

В общем, как им не хотелось поспать или даже хотя бы присесть, пришлось идти дальше, и идти быстро, мало того, опять пришлось менять направление. Да ещё и внимательно ко всему приглядываясь.

– Ты микрофоны на максимум выкрутить не забудь, – говорил Каштенков, останавливаюсь на минуту, чтобы выпить воды.

Саблин, кивнул, он уже это сделал, теперь его микрофоны на шлеме ловили любой шорох, степняки говорили, что внешние микрофоны сразу на полную мощность ставить нужно. Дарги быстрые, выскакивают из-за бархана всегда сзади, в «затылочную» камеру его можешь и не сразу заметить, а вот шорох всегда слышно. Даже когда он на той стороне бархана, при правильном ветре услышишь. Саблин теперь слышал весь шум, что был в степи, слышал, как хрустит песок под ботинком Каштенкова, который шёл в семи метрах впереди него. Это было непривычно и даже неприятно немного, но в камеру заднего вида всё время смотреть не будешь, так что приходилось терпеть. Идти и терпеть. Но прошли они не очень много. Вскоре пулемётчик опять поднял руку. Аким сразу понял, снова след даргов. Так и было, только теперь это был не след, а следы. Теперь их было двое. Кажется, тот, чей след они увидели первым, встретил второго. И они вдвоём направлялись, судя по всему, на северо-восток, именно туда, куда и собиралась идти пластуны.

– Ну, – спросил Саша, он снова достал планшет, – теперь куда?

Саблин заглянул в него и думал, не хотел он связываться сейчас, тут, в песках, с дикарями. И к реке было опасно идти, там могли быть НОАКовцы. Но чёрт его знает, наверное, всё-таки лучше китайцы на реке, чем дарги в пустыне.

– К реке, – сказал он. Поглядел на пулемётчика: тот уже сутки как не спал. – Ты как?

– Чего? Я? Чего я? – Не понял Сашка.

– Идти-то можешь? – Уточнил Аким.

– Да ты, урядник, смеёшься, что ли? – Не на шутку обиделся Каштенков. – Или обидеть норовишь? Может, ты не знаешь, но я из твоей станицы, я из пластунов. Я ещё столько же пройду, пока упаду.

– Да ладно, я так, спросил просто, мало ли…

– Мало ли, – передразнил пулемётчик, – ладно, куда идём, урядник?

– На восток. До реки двенадцать вёрст. Идём к излучине.

– Восток ровно? – Уточнил Саша.

– Восток ровно.

– Есть, восток ровно. Ты только, Аким, микрофоны на максимуме держи. Не хочу, что бы мне в спину стрельнули.

– Ладно, – отвечал Саблин.

Он и сам не хотел получить пулю в спину, хотя у него щит на спине висел, всё равно не хотел.

Снова пошли, уже не так быстро, как раньше, останавливались чаще. Воду пили, доставали из ранцев перекус, а иногда и вовсе замирали, прислушивались, если кому-то что-то казалось. Выглядывали из-за барханов, осматривались и, только убедившись, что всё вокруг тихо, продолжали идти. И если раньше они шли и ждали утра, чтобы полежать на бархане, на котором нет пауков, то теперь дружно ждали вечера. Очень ждали, хотя до темноты ещё было далеко. Понимали, что спокойнее в темноте с ядовитыми пауками, чем при солнце с даргами.

Не прошли и пяти километров, как снова набрали на следы босых ног. И теперь их уже было больше, чем две пары.

– Зря мы сюда пошли, – сказал Сашка, в который раз снимая с предохранителя винтовку и озираясь по сторонам. – Нужно было идти, как шли, на северо-восток.

И говорит просто, но как будто с укором. Умный он очень задним-то умом, чего ж сразу не предложил, стоял да спрашивал только, куда идти. А вот тут додумался. Саблину было, что ответить, но решил не отвечать. Он молчал. Смотрел на следы. Думал. Конечно, они устали, а до реки всего ничего. Два часа максимум. Ею уже даже как будто песок пахнет. А что, у реки ждёт их там, что ли, кто-то? Никого там нет, и если встретят на реке кого-то из казаков, то это будет большой удачей. Может, опять повернуть и снова на север пойти? Эх, кабы знать, дрона бы им, оглядеть окрестности. А ведь были дроны у покойного прапорщика, наверняка были, не может командир без пары дронов на задание пойти. Да, не подумали они взять.

– Ну, так что? – Торопил его Каштенков. – Куда пойдём?

– Ну, пошли к реке, – наконец ответил Саблин, скорее чтобы Сашка отстал.

– Я тоже так думаю, – произнёс пулемётчик.

В самом деле, не по следам же даргов идти, те как раз пошли на север.

И снова они двинулись к реке, снова выкрутив внешние микрофоны до максимума.

Пройти много им не удалось, едва пару километров, как Каштенков снова поднял руку. Саблин уже был готов к этому, он заглянул через плечо пулемётчика вдаль и, чтобы разглядеть то, что видел Каштенков, ему пришлось отфокусировать камеры. И только тогда он понял, что видит Саша. В пяти сотнях метров перед ними, как раз между невысоких барханов, лежало тело. Тело было голым, без брони и одежды, вряд ли это был казак или китайский солдат. Но оно не было и серым, цвет кожи даргов был именно такой.

Тело лежало себе, и никого вокруг не было. Даже зверья какого-нибудь. Было по-прежнему тихо и пустынно.

– Ну, что будем делать? – Опять спрашивал Каштенков.

Он уже начинал злить Саблина этим вопросом. Но Аким понимал, что Сашка имеет право их задавать, ведь формально Саблин старший по званию.

– Пойдём назад, на запад, – сказал Аким.

– И то верно, – опять соглашался пулемётчик, – уж больно многолюдно здесь, у реки, прямо в глазах рябит от людей. Тоже мне, пустыней называется. Только давай пойдём так пойдём, а то осточертело уже петлять по песку туда-сюда.

Акиму и самому надоело каждый час менять направление, но выбирать не приходилось, он кивнул и полез на бархан, очень ему хотелось оглядеться как следует, понять, что тут происходит. Это было верное решение.

Глава 4

Только что они собирались идти обратно, на запад, Аким хотел идти в том направлении хотя бы до темноты. Но как только он смог поднять голову над верхушкой бархана, он увидал двух даргов. Ему пришлось увеличить зум камер до максимума, чтобы понять, что это пустынные дикари. Они были почти в тысяче метров от него, стояли на бархане спиной к нему, смотрели на север. Их легко было узнать, они не носили одежды, и их кожа была темной, почти чёрной.

– Видишь? – Спросил Саблин у пулеметчика, когда тот лёг на песок рядом с ним.

– Вот паскуды, а, – сказал Саша, приглядываясь к фигурам, он был озадачен, дарги стояли почти на западе от них, как раз там, куда они собирались идти. – И что теперь будем делать?

Аким думал, а Сашка продолжал:

– Ты глянь, а, стоят во все красе, не прячутся даже, жаль, степняков тут нет. Или снайпера.

Да, степных казаков тут не было, не было ни хороших квадроциклов с ёмкими аккумуляторами, ни быстрых дронов с мощной оптикой. А по-другому с дикарями в барханах совладать не просто.

– Ну, так что делать будем? – Донимал Акима пулемётчик.

Прежде, чем Аким успел ответить, дарги спрыгнули с бархана и исчезли.

– К реке пойдём, – сказал Саблин и скатился с бархана.

– К реке? – Удивлялся Каштенков, скатываясь за ним. – А может, назад двинем? На запад.

– Найдут следы – догонят. Не хочу я с ними в степи воевать, шансов мало будет. Не будем знать, откуда ждать выстрела. А у реки всегда тыл будет, по воде эти заразы ещё не бегают. Так что до реки пойдём, а там – на север, по берегу.

– А прижмут к реке? – Сомневался пулемётчик. – А отрежут?

– Мы пластуны, на гранатах пройдём. Мы в броне, они голые, им любой осколок либо смерть, либо рана. Гранаты-то взял?

– Четыре «единицы», четыре «подствольных».

– А мины?

– Две противопехотных.

– А «направленных» не брал?

– Нет, тяжёлые они, пулемётчики их не берут. – Оправдывался Сашка. – У нас и без них тяжестей хватает.

Сейчас никаких тяжестей у него не было, пулемёт они оставили на Ивановых камнях, мог бы и взять пару штук, целый ящик в могилу казакам положили. Да, теперь они точно бы не помешали бы, очень хорошая вещь эта ППМНД, Противопехотная Мина Направленного Действия.

– Значит, к реке? – Переспросил Сашка, он, в принципе, уже был согласен, но ещё сомневался.

– К реке.

– А если даргов много будет?

– Вопросов у тебя много, – разозлился Саблин, – а если даргов много, а если там китайцы, а если жарко будет… Пошли, у реки всяко лучше, чем в степи, если совсем тяжко станет, на тот берег приплывём.

– Ну, может, и так, – соглашался Сашка.

– Главное, темноты дождаться.

– Верно-верно, да, – сказал Каштенков, вставая с бархана, – главное – темноты дождаться.

И они двинулись опять на восток. К реке. Каштенков опять шёл первым, он указал рукой в сторону. Саблин взглянул, увидал следы, следы китайских ботинок, а на бархане стреляные гильзы. У китайцев металлов навалом, у гильз, что они производят, металлическое дно, и закраина заметно крупнее, чем у русских гильз. Их не перепутаешь.

Тут шёл бой, может, вчера, может позавчера. Пластуны шли, на ходу разглядывая следы, что оставили босые ноги и тяжёлые бронированные ботинки. Они чуть пригибались, чтобы их шлемы не торчали над чёрными верхушками барханов. Оба собранные, оба готовые, у обоих оружие снято с предохранителей. Саблин шёл вторым и каждые пять шагов косил глаза в угол панорамы, туда, куда подавала изображение затылочная камера. По сути, он часто «оборачивался» назад. Только головой не крутил. А ещё они опять поставили внешние микрофоны на максимум. Так и шли.

Всё ближе подходили к трупу, лежавшему между двух барханов.

Это, кажется, был китаец, волосы совсем тёмные. Лежал он на животе, лицом в песок. Голый. Когда подошли ближе, всё разглядели. Тут был бой, всё в китайских гильзах. А труп был и вправду китайский, на плече были иероглифы и цифры: «6» и «171».

– Кажись, вояка из Шестой дивизии. – Сказал Сашка негромко, вставая коленом на склон бархана. Он оглядывался. – Прикончили его дарги, а он отстреливался.

Саблин сделал то же самое, тоже встал коленом на песок, хоть немного отдохнуть хотелось. Замереть, не идти. И он тоже оглядывался.

Наверное, так и было, гильз вокруг было навалено немало. Тут же валялись грязные тряпки, видно окровавленное бельё китайца. И больше ничего. Всё остальное: и оружие, и броню, и снарягу – дикари, наверное, унесли с собой. Следов босых ног тут было много.

– А труп-то несвежий, – сказал Сашка.

Это радовало.

– А что у него со спиной? – Спросил Аким, проглядываясь к длинной ране, что тянулась вдоль позвоночника от затылка до крестца.

– Куражились сволочи, кажись, вырезали куски ему со спины ,– ответил пулемётчик. – Думаю, что жрать взяли, там же самое хорошее мясо у свиней, может, и у людей тоже.

Саблин в детстве, как и все остальные дети, читали страшные книги про смелых казаков, которые воюют с пустынными дикарями-людоедами. Про людоедов им говорили и степняки, но те все рассказы были как сказки из книг: то ли правда, то ли вымысел. А тут вон он, лежит труп с изрезанной спиной.

– Слышь, Александр, – Акиму вдруг очень захотелось знать, правду говорят про людоедство даргов или нет, – переверни его.

В книгах писали, что первым делом дикари вырезали печень и сердце. И глаза.

Сашка обернулся и зло глянул на него:

– Давай-ка ты сам, урядник, была мне охота падаль ворошить.

Саблину тоже не хотелось возиться с трупом:

– Ну, тогда пошли дальше.

– К реке? – На всякий случай уточнил Каштенков.

– Восток ровно.

Сашка тяжело поднялся и пошёл, так же с трудом встал с песка и Аким. И когда проходил мимо мёртвого солдата НОАК, глянул на него, левого глаза у солдата не было. А правая сторона была в песке. Так и не узнал Саблин: правда, что дарги людоеды, или нет?

Усталость. Усталость приходит не тогда, когда мышцы уж не могут выполнять свою работу, настоящая усталость приходит, когда свою работу уже не может выполнять мозг. Сутки непрерывной ходьбы выматывают не только мышцы. Кровь ещё приносит им кислород и питание, сервомоторы и приводы берут на себя значительную, большую часть нагрузки, но вот у мозга помощников нет, и через сутки он начинает сдавать. Только опасность, только хорошие выбросы адреналина поддерживают его в рабочей форме, но адреналин не может стимулировать его работу всё время. Через некоторое время он не реагирует и на адреналин. Да и адреналина у уставшего человека совсем чуть-чуть. И человек начинает тупеть, он не замечает того, что легко бы заметил, если бы отдохнул, если бы выспался. Его глаза видят, его уши слышат, но вот реакции мозга ни на увиденное, ни на услышанное нет. Мозг устал. И тогда человек может надеяться только на них. Рефлексы, остаётся надежда только на рефлексы. У людей, которые провели значительную часть своей жизни на войне, рефлексы обязательно есть. Иначе они не выжили бы.

Аким слышал шорохи, это были шаги, больше ничто в пустыне таких звуков издавать не может, но он никак не отреагировал на них. Сам не знал почему. Наверное, просто привык к постоянному, притупляющему внимание фону в наушниках, эти новые звуки были очень похожи на те, что издавали ботинки Каштенкова, который шёл впереди. Обычный скрип песка. Поэтому он их и пропустил, что называется, мимо ушей, а вернее, мимо мозга. И пулемётчик на них тоже не среагировал, хотя должен был. Звуки приближались с его стороны. С фронта.

В общем, из-за бархана вышел дарг. Шёл он прогулочным шагом и сам не готов был ко встрече. Китайская винтовка в левой руке. Всё, что успел разглядеть Саблин, так это то, что он голый, корме пояса и старой разгрузки на нём ничего нет. И что он мал ростом, едва ли выше плеча Акима, и что кожа у него не чёрная, а серая и в пятнах, а лицо и живот так и вовсе светлые, не темнее, чем у китайцев. А дальше дарг неприятно взвизгнул и поднял винтовку к плечу.

Сашка, что шёл первым, только и успел голову наклонить, ни забрала не закрывал, ни оружия не поднимал. Может, это его и спасло, дарг целился ему в лицо, но пулемётчик наклонил голову лицом к земле и выжил. Негромко хлопнул выстрел, и пуля скинула ему шлем на затылок, не пробив его.

Каштенков упал, а Саблин уже левой рукой тянул со спины щит, а правой поднимал дробовик. Секунда, вторая, и он, закрыв забрало и выставив вперёд щит, уже готов был стрелять… Но стрелять было не в кого. Дарг испарился.

Ох и был рад Саблин, видя, как поспешно Сашка вскакивает с земли, как судорожно он пытается натянуть на голову шлем и закрыть забрало, как он озирается и водит стволом винтовки вокруг, ожидая появления дикаря. Это было почти счастьем, ведь сначала Аким думал, что дарг убил пулемётчика. А тут такое счастье. Жив Сашка, жив. От сердца отлегло. Но теперь не до радостей, теперь начался бой.

Аким тут подумал, что дарг сзади появится, оббежит бархан и выскочит с другого его конца. Да, видно, слишком долго Саблин радовался, что пулемётчик жив, повернулся, и так оно и есть… Дарг был сзади и уже целился, ну очень он был быстрый, сволочь.

Как так быстро тут оказался? И дикарь вытсрелил.

Только вот пластуны – это тебе не степняки. Тут так легко тебе не будет, пятнистый друг. Саблин, как положено, как учили ещё в учебке, присел немного, щит чуть вперёд, чуть под углом. И держал его так, что бы у щита ход был, то есть не упирал его ни во что, чтоб часть энергии пули на люфт, на массу ушла. Он всё умеючи сделал. Естественно, с десяти метров винтовочная пуля из китайской винтовки щит насквозь бьёт. Только так же естественно, что много энергии она на этом теряет да ещё и деформируется. В общем, пробив щит, она попадет Акиму в кирасу, в левую часть. Но дальше даже пыльника пробить уже не может.

А дарг второй раз стреляет, и ещё одна дыра в щите, но результат тот же. Теперь и Саблину черёд стрелять, он поднимает дробовик и… Вот такого болотные казаки никогда не видали.

В три шага это ловкач взлетает на верхушку бархана: раз… два… три… И на вершине… И исчез. Спрыгнул вниз. Бархан два метра песка, как ему удалось?

Саблин, закрывшись щитом, бросается за ним на эту здоровенную кучу песка. Только смешно всё это, глупо. Его тяжёлые ботинки, утопают в песке, песок под ними осыпается, он съезжает вниз, ему пришлось сделать пятнадцать шагов, пока он вылез на вершину бархана. Конечно, дарга на той стороне уже не было. Следы вели к следующей куче песка.

– Ты видел, а? – К нему наверх вскарабкался и Каштенков. – Раз, два и нет его.

Хотел он сказать пару ласковых пулемётчику, ведь дарг вышел на него, а тот его проспал. Но не стал, Сашка всё-таки спал на шесть часом меньше, чем Аким. Саблин, стараясь не сильно высовываться, огляделся. Всё было очень плохо, очень. И не то было плохо, что они дикаря проспали, и не то было плохо, что всадил он им три пули и все в цель, а то, что они ему ни разу даже не ответили. Даже не выстрелили вслед. Даже с опозданием.

Да, вот это было действительно плохо.

– Пошли, – сухо сказал Аким, – сейчас этот уродец остальных позовёт, надо до реки добежать. Или будешь, как тот китаец, тут валяться.

Теперь он говорил в рацию, забрала не открывал, режим радиомолчания закончен. Если китайцы рядом, сто процентов запеленгуют. Но делать было нечего, они сползли с бархана и пошли, пошли так быстро, как только могли. На восток, к реке.

– Давай, Александр, шевелись, – подгонял Саблин.

Он сам опять шел вторым, всё время оборачивался, держа дробовик в специальной выемке в крае щита, что специально сделана для того, чтобы класть туда оружие и вести из-за щита огонь. Они знали, что этот дарг их не отпустит, что он по следам идёт, и поэтому торопились. Он мог следить, конечно, и в камеру за тем, что происходит у него за спиной, но появись там враг, ему потребовалось бы много времени, чтобы развернуться и прицелиться. Поэтому он шёл больше боком и спиной вперёд и ждал, когда враг появится.

И враг появился, только он не со спины выскочил. А выстелил в него с верхушки бархана. Тоже сглупил, тоже торопился, нужно было ему в Сашку стрелять, а он опять в Саблина бил. И как раз с той стороны, что щит. Третья дыра в щите, не мог вспомнить Аким, когда ему так ловко щит дырявили. Три минут – три дыры.

И вполне ощутимый удар в левый «локоть». Так и механику «локтя» разобьёт, сволочь.

Саблина начало корёжить, и не от того, что опасен враг, это было не причём, а от того, что бьёт их он, играючи, как над малолетками куражится: «А если я так вам врежу, а если вот так, а если отсюда зайду. А это вам как? А вот это?»

А они только могут бежать да озираться, ведь ни пули в ответ не выпустили. Стыдоба!

А как с ним вообще воевать? Вот только что получил он пулю в щит и в «локоть», сразу развернулся, ствол только вверх повел, а пятнистого уже и нет на бархане. Куда стрелять?

Степняки кичатся своей стрельбой, такие они расчудесные стрелки, ну как они считают, что болотным казакам и рядом не стоять. Только даргов они по степи гоняют дронами и квадрациклами, а потом уже стрельбой. А что бы они делали, не будь у них ни того, ни другого? Вот как сейчас у пластунов, Саблин не знал.

Но была одна вещь, в которой не было равных болотным казакам, в этом никто их превзойти не мог. Особенно бойцов штурмовых рот.

Аким догнал Сашку, пошёл почти вплотную за ним, командуя:

– Правее, Саня, прибавь шаг.

– Куда уже прибавлять-то, – пыхтел пулемётчик, – бежим уже.

– Правее, за тот бархан.

– За высокий?

– Да, быстрее, Александр. – Говорил Аким, оборачиваясь назад.

Он уже закинул щит за спину, пусть пятнистый стреляет, щит лежит на ранце, нипочем пулей в десять миллибаров не пробить щит и ранец одновременно. А он, заливаясь потом, думал, как им двоим убить одного дикаря. И в голове у него был только один способ.

Сами собой вспомнились слова старого казака, что учил его в учебке: «Пластуну и штурмовику первый друг не дробовик, а граната. Ею и работай».

Так он работать и решил.

Глава 5

– Быстрее, Саня, – всё подгонял товарища Аким.

– Куда уж быстрее, бежим уже, – стонал пулемётчик.

Да, бегать в броне непросто, ещё более непросто бегать в броне и с полным ранцем. Но они бежали.

– Давай-давай, – не унимался Саблин. – Налево давай. К вон тому бархану.

Они выбрали большой бархан, Сашка упал на песок, а у Саблина, хоть и темнело в глазах, времени не было, он скидывает ранец, хватает щит, дробовик и лезет вверх на песчаную гору. Бархан большой, наверное, метра три, не меньше. Он укладывается наверху. Разгребает плесень до чистого песка, достаёт из кармана гранату «единицу». Это на вид она небольшая, на самом деле, как и все гранаты с натриевым гелем вместо старой взрывчатки, она очень мощная. Хотя осколков у неё поменьше будет, чем у тротиловых.

Саблин знает, что дарг пойдёт по их следу, он готовит и дробовик. Очень ему хочется этого дикаря взять не гранатой, граната – это само собой, хочется ему убить дарга из дробовика, ведь Аким считался хорошим и быстрым стрелком в полку. И издевательства дикаря его, признаться, задевали. Как глянет на ещё новый щит, а в нём три свежих дыры, так его подртясывать начинает от раздражения. А ещё он Каштенкову одну пулю в шлем уложил. Слава Богу, что угол острый был, срикошетила. И теперь Аким ждал этого ловкача, сразу приклад к плечу, весь во внимании. Он ждал, что дарг появится оттуда же, откуда пришли и они, с юго-запад, он должен по их следам идти, почти так оно и вышло, вот только опять не успел Саблин. Дикарь выскочил на бархан, чуть восточнее, чем ожидал урядник. Пока он навёл оружие, тот его тоже заметил и спрыгнул за гребень бархана.

– Да что ж ты будешь делать, – тихо злился Саблин.

– Чего там? – Спросил Пулемётчик.

– Восток держи, – сухо сказал ему Аким.

– Есть, – отвечал Сашка, поднимая винтовку и направляя её на восток вдоль бархана.

Аким думал, гадал, где теперь появиться дикарь, и угадал. И место угадал, и время угадал, всё угадал. Он развернулся ровно на запад и поднял дробовик. И тут же в двадцати метрах над небольшим барханом появилась голова дикаря.

Саблин начал первый поднимать оружие, а выстрелили они почти одновременно. Что с ним произошло, он понять не мог. Двадцать метров! Голова человека! Видно отлично! Солнце не в глаза! Картечью! Как он мог не попасть – непонятно. Неужели от раздражения и волнения руки дрожали? В общем, картечь ударила на двадцать сантиметров ниже, вся горсть в песок ушла.

А дикарь не промазал. Аким почувствовал сильный удар в грудь. Чуть ниже горла, в самый верх грудины. У штурмовиков кирасы утяжелённые, самые толстые из всех кирас. И с ребром жесткости от горла и до самого низа. Пуля вмяла ребро, но пробить карбидотитан со слоем пеноалюминия не смогла. У урядника перехватило дыхание, настолько сильный был удар, но он, передёрнув затвор, смог выстрелить ещё раз. Теперь он бы точно попал, будь голова дарага всё ещё над барханом.

– Попал? – С надеждой спрашивал Сашка.

А Саблин едва мог дышать после такого удара, в глазах темно, он сидел и вставлял патроны в пенал дробовика.

– Ну, Аким, попал? – Не унимался пулемётчик.

В горле ком, Саблин сглотнул слюну собираясь ответить, и тут над всей пустыней раздался крик или звук:

«Дарг-дарг-дарг-дарг-дарг-дарг-дарг-да-а-арг…»

Это было похоже на какой-то быстрый клёкот или даже на высокий, неприятный, надрывный визг, трудно было понять, как этот звук вообще можно произвести человеческим речевым аппаратом. Так орали в степи дарги, за этот звук их так и называли.

– На помощь зовёт, ты его задел, что ли? – Спросил Сашка и в его голосе опять звучала надежда.

– Нет, – прохрипел Саблин, он всё ещё не мог прийти в себя после полученного удара.

«Дарг-дарг-дарг-дарг», – снова неслось над пустыней.

– Вот зараза, звонкий какой, – Каштенков встал и вслушался.

И Аким тоже вслушивался, только вот гранату взял, вырвал чеку:

Подержал её в руке: раз, два… Дальше ждать не стал, кинул её за длинный бархан, туда, где заливался дикарь. Кинул на слух, на удачу.

«Дарг-дарг-дарг-дарг», – хлоп… И стало тихо.

Саблин схватил щит и дробовик и бегом, морщась от боли в горле и почти задыхаясь, скатился со своего бархана, полез на следующий, затем ещё на один и уже за ним увидел дикаря.

Аким закрылся щитом, целился, но… Не выстрелил.

Дарг сидит на одном колене, вторая нога вытянута, а винтовка лежит от него метрах в трёх. Аким спускается с бархана, держа дикаря на прицеле. А дикарь совсем мальчишка, лет пятнадцать, потому таким мелким казался. Чёрные, тугие, густые волосы собраны в пучок на затылке, он совсем голый, только пояс и старая, китайская разгрузка на груди. Дарги известны своими густыми, окладистыми бородами, у них даже горло заростает щетиной. А у этого ничего нет. Сопляк. Он сидит и скалится, смотрит на Акима с весёлой ненавистью. Для него всё это игра.

Вот только вся его левая рука и левый бок подраны осколками, кровь течёт. А из голени левой ноги, из серой пятнистой кожи торчит белоснежная кость, с которой капают ярко красные капли.

Прибегает Каштенков. Видит дикаря.

– Добегался, сволочь, – радуется он. – Это тебе, животное, не степняков в пустыне сторожить, мы, брат, пластуны. С нами не забалуешь.

Дарг его вряд ли понимает, но он вдруг начинает смеяться, смех этот показной, через боль, видно, хочет показать им, что боль ему нипочём и смерти он тоже не

боится. Что-то лопочет на своём, отвечает пулемётчику, даже тянет к нему руку… Но…

Тихо хлопает пистолетный выстрел, у дикаря вырывается красный фонтан из головы. Он валится на землю. Некогда им его слушать. Аким прячет пистолет в кобуру. Поднимает винтовку дарга, втыкает ствол в песок, поглубже, и жмёт на курок. Нельзя оставлять оружие врагам. Ствол вражеской винтовки разорвало, он удостоверится, что оружие больше не пригодно для стрельбы, отбрасывает его. А Сашке ничего говорить не нужно, Сашка, хоть и пулемётчик, но всё-таки пластун. Он уже вытащил лопатку, два движения, и яма готова, он скидывает ранец, достаёт оттуда противопехотную мину. Со знанием дела поставил её, взвёл, засыпал землёй. Готово. Он потоптался по месту, где установил мину, для маскировки. Мина активируется только через минуту.

– Жрите, черти пятнистые, – Сашка доволен.

Саблин тоже. Они уходят, заходят забрать ранец Акима, который всё ещё лежит на бархане, там, где он его оставил. И почти бегом отправляются к реке. До неё осталось всего пять километров. Уже меньше пяти.

Да, сил совсем мало, ветер разогнал облака, скоро четыре часа, солнце жарит немилосердно. Теперь и хладоген понадобился, в костюмах больше тридцати. Тридцать три, и при большой физической активности тепловой удар гарантирован. Если идти быстро, нужно сбивать температуру в броне до двадцати восьми.

Но как продержать двадцать восемь градусов внутри, если снаружи сорок два, и до пяти часов вечера ниже сорока уже не будет. Только расходуя хладоген. Сашка идёт впереди, Саблин идёт за ним и замечает, что он стал заметно припадать на обе ноги. Так всегда бывает от большой усталости. Привода в «ногах» работают как положено, но вот сами ноги, человеческие мышцы, не тянут, ленятся, уже не прижимают датчики как следует. И кажется, что человек в броне идет, не разгибая колен. Это усталость. Пулемётчик уже не спит больше тридцати часов. Саблин и сам уже не в лучшей форме, но он не даст ни ему, ни себе поблажки, ведь за ними скоро, сто процентов скоро, пойдут быстрые и опасные существа. А может, и уже идут. И им очень нужно добежать до реки, тут в барханах они едва одного мальчишку смогли угомонить. А если их догонит два или три взрослых воина? Нет, останавливаться нельзя.

– Давай, Александр, давай, – шепчет Саблин.

Он думает, что Сашка сейчас обозлится, ответит резко, мол, не подгоняй, сам знаю. Но Каштенков молчит, видно, совсем сил не осталось.

Это плохо, и тогда Аким говорит:

– Температура, Саня?

– Тридцать, – с видимым трудом говорит пулемётчик.

– Понизь до двадцати восьми.

– Есть, понизить до двадцати восьми.

– Стой, – говорит Аким, – давай воды выпьем.

Они останавливаются, один пьёт, другой смотрит по сторновкам, охраняет, потом меняются. Передышка минута. Это много, Саблину даже думать не хочется, сколько за минуту может пробежать по барханам сильный дарг. И тут до них докатывается тихий-тихий хлопок. Им прекрасно знаком этот звук.

– Нашли, значит, мертвяка своего, – хрипло говорит Сашка.

В его голосе чувствуется злорадная усмешка. Они с Акимом знают, что кого-то наверняка мина убила, а может, и не одного. Для людей незащищённых бронёй противопехотная мина – верная смерть или серьёзные раны.

Саблин радуется, что товарищ начал говорить, постоял, воды выпил, хоть чуть-чуть отживел.

– Пошли, торопиться надо, – говорит Саблин, – у нас сегодня ещё дело есть.

– Какое ещё дело? – Удивлённо спрашивает Каштенков.

– До темноты дожить, вот какое, – говорит Аким.

И они пошли на восток. А до воды оставалось уже совсем немного, рукой подать.

Даже через фильтры шлема проникал запах тины и воды, барханы измельчали, становились всё короче и ниже, сходили на нет. Река совсем была близко, всё больше и больше виднелась растительность, скудная, серая, но это была уже не пустынная колючка и поганый анчар.

Сашка остановился, поднял руку, а потом сделал два неуверенных шага в сторону и повалился на песок бархана.

– Саня, ты чего, – произнёс Саблин, хотел подбежать к нему, ускориться, но сил не было, там и плёлся еле-еле, пока не сел рядом с товарищем.

– Акимка, надо перекурить, – хрипло сказал пулеметчик, открывая забрало.

– Сань не время, потерпи пару километров. На берегу будет место, поставим мины, окапаемся и покурим, да… Найдём высокое место, заляжем и покурим. Давай, вставай…

– Не могу, дай порхнуть, в глазах потемнело.

– Ладно, подыши, ты только температуру сделай двадцать семь, не экономь хладоген, у нас его горы. – Сказал Саблин, скинул ранец и, напрягаясь, полез на бархан.

Залег на самом верху. Ох, как хорошо ему было лежать, он ещё стравил три кубика хладогена в кольчугу, довёл температуру до двадцати восьми. Да, лежать это такое удовольствие, а ещё лучше, если есть возможность закрыть глаза. Но вот только этого он себе уже позволить не мог. Времени у него не было, он заметил на западе, как на бархан легко взлетела фигура, мелькнула и пропала, упав вниз, а за ней ещё одна, и ещё. Дальномер сработал, как положено засёк дальность: тысяча двести семьдесят метров. И тут же чуть левее от них мелькнула на барханах ещё одна фигура. Они шли по их следу.

– Четверо как минимум, – сказал Саблин,– слышишь, Саня?

Но Каштенков не ответил.

– Саня! – Рявкнул Саблин, скатываясь сверху.

Он схватил Сашку за пыльник, встряхнул и заорал:

– Саня, просыпайся, давай, дарги идут, тысяча метров отсюда, просыпайся, браток.

– Я не сплю, – произнёс пулемётчик, врал, конечно, но он смог встать, вздохнул, взял в руки винтовку. – Где они?

А Аким ему не ответил, он лез в ранец, вытащил оттуда ППМНД и быстро закопал её в песок, в бархан, боевой поверхностью на запад, дальше стал выбрасывать из ранца всё ненужное, разряженный аккумулятор, пустые банки из-под воды, кое-что из еды, даже тонкий и лёгкий всегда нужный брезент, и тот выбросил, то же самое он проделал и с ранцем пулемётчика. Он не только облегчал ранцы, он ещё маскировал мину. Думал, что закопай он её просто так, то дарги и на десять метров к ней не подойдут, наверное, не дураки они. А на кучу вещей точно обратят внимания, а может, и вовсе захотят взглянуть, что там лежит.

Когда было готово, он сказал:

– Давай, Саня, давай подналяжем, на берегу отдохнём. Покурим, а сейчас изо всех сил, Саня, два километра, и мы на берегу.

Он так говорил, будто на берегу их ждала победа, или подкрепление, или огневая поддержка. Хотя ничего подобного там не было. Но они оба понимали, что тут, в этих чёртовых кучах песка, у них вообще нет шансов.

Саблин снова шёл вторым, так он мог следить и за товарищем, и поглядывать назад. Но за ним самим бы кто приглядел, он так часто поглядывал на Сашку и так часто косил глаза в угол панорамы, туда, куда подавала изображение затылочная камера, что совсем забыл про себя. Вспомнил, когда к горлу стал подкатывать ком, когда уже стало мутить не на шутку. Глянул на термометр, а на нём тридцать четыре. Пришлось остановиться, выпить воды, затем нажимать и нажимать на клапан, запуская в броню по капиллярам «кольчуги» благостную прохладу хладогена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/konofal-skiy_boris/reyd-ohota

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити